

ПУБЛИКУЕМ ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

DOI 10.47309/2713-2358_2020_4_137

УДК 330; 314; 122

JEL O11

КОНВЕРСИЯ ИНСТИТУТОВ. НАЧАЛА ТЕОРИИ. ГЛАВА 2. ПОИСК МЕТОДА

Дегтярев Александр Николаевич

ГАНУ «Институт стратегических исследований Респблики Башкортостан»,
Уфа, Россия

С содержанием и введением к книге можно ознакомиться по ссылке:
http://isi-rb.ru/wp-content/uploads/2020/10/Degtyarev_Monography_public.pdf

Глава 2

ПОИСК МЕТОДА.

«Дорожная карта» экономической науки о социодинамике общественно-экономических систем

Введение

«Каменный век закончился не потому, что закончились камни,
а потому, что пришли новые технологии»
(народные наблюдения)

Науку всегда интересовали движущие силы эволюции человечества. Историки, социологи, экономисты, философы, «естественники» искали свое «ядро прогресса», обосновывая этим происходившие в обществе трансформации. Известный русский философ-исследователь мировых цивилизаций Питирим Сорокин констатировал, что нет практически ни одной области знаний и социальных наук, в которых бы ученые не искали первопричину инновационного (эволюционного) развития, среди них: материальные и социальные факторы, политические амбиции лидеров и партий и философские течения ученых, географические и климатические условия функционирования общественных систем, этнонациональные и межконфессиональные аспекты взаимоотношений, экономические и классовые противоречия; мировоззренческие и экологобиологические конфликты различных групп в обществах и т.д. [Сорокин, 1997].

Виртуальный полет со «стрелой истории экономической мысли» сквозь толщу веков позволяет не только оценить изящество ароморфоза творческого познания мира и человека, но и, руководствуясь практическими намерениями, обнаружить на «дорожной карте» спирали этой научной логистики связующие звенья задуманного нами методологического синтеза. Таковых обнаружилось

три, и каждое звено отражает соответствующий уровень погружения «научного скальпеля» в глубину социальной материи. Вся история научного познания закономерностей общественно-экономического развития неумолимо, шаг за шагом, шла к этому, повторяя в некотором смысле, когнитивный путь естествознания, которое на данном этапе человеческой истории достигло своей кульминации, проникнув в ядро материи и научившись моделировать и синтезировать многие процессы, происходящие в нем. Как следствие, конвергентность научных методов исследования принята нами как один из ключевых методологических принципов, поскольку признана общепринятым трендом, научно обоснована и демонстрирует высокую эффективность.

Подчеркнем сразу, что, говоря в контексте формируемой методологии исследования о трех уровнях общественно-экономических систем, мы не имеем ввиду хрестоматийную триаду – макро- мезо- и микроэкономику, ибо все эти состояния отражают единый уровень размерности параметров социума. Именно его, главным образом, поскольку это «лежит на поверхности», исследует и пытается «лечить» наука – экономика. Поэтому в «круге первом» научных теорий – вся историческая классика политэкономии и неоклассический синтез XX века, холизм институционального метода, а так же теории философского толка о цивилизационной, мир-системной и иной «богоопределенности» мировых сообществ. Второй, более глубинный, уровень познания причин и факторов динамики общественно-экономических систем, вне зависимости от их принадлежности к той или иной модели развития, а также эффективности экономического роста, обнаруживается в методологии исследования эндогенных и экзогенных факторов трансформации институтов общества. Таким образом, в «круге втором» оказались, отражая общественный выбор развития мира, эволюционные теории, в том числе системно-организмические теории, теория хаоса и теория институциональных матриц. Наконец, методологию третьего – «атомарно-молекулярного» уровня исследования базовых факторов институциональной конверсии формируют современные теории игр и агентоориентированное моделирование.

§ 1. Экономика в «круге первом» (текст приводится в сокращении)

Начальный период научного познания законов эволюции общества и его экономики принято связывать с временами Аристотеля (IV в. до н.э.), основавшего первый в мировой цивилизации лицей, и в трудах которого историки обнаружили философские размышления об общественных институтах. Философы, метафизики, первые экономисты Древнего мира и их последователи пытливно изучали и познавали механизмы развития социальных, политических и экономических процессов современных им обществ: городов-полисов Древней Эллады, китайских царств, позднее – русских Посадов, средневековых азиатских и европейских монархий и т.д. Историческое вызревание развитых форм демократии, раскрывшее обществам мир новых возможностей, сопровождалось перманентными трансформациями социально-экономико-политических систем во времени, что так же стало предметом исследований и экспериментов современников и их последователей.

Меркантилисты, ставшие проводниками концепции богатства общества посредством физического накопления капитала через торговлю, способствовали формированию политики, проложившей дорогу Великим географическим открытиям XV-XVI вв., открывшим, в свою очередь, «ящик Пандоры» мировой глобализации и экспортно-импортному монетаризму. Дальнейшая траектория «стрелы истории» экономических учений об обществе и экономике хорошо известна, а первый Трактат политической экономии был написан французским философом Антуаном де Монкретьеном в 1615 году. Французская школа физиократов во главе с Франсуа Кенэ опровергла протекционистскую модель меркантилизма, выдвинув иную идею формирования национального богатства – на основе производства продуктов потребления, что послужило в последствии идеологической основой создания классической политэкономии.

Революцию в умах просвещенных людей вызвала публикация в 1776 г. книги Адама Смита «Богатство народов». Создавая классическую модель рынка, где «человек экономический» впервые стал одушевленным источником выбора максимизации своей выгоды, великий английский экономист заложил, по существу, основу современных агентоориентированных моделей и теории игр, где действия отдельных индивидуумов – агентов определяют дальнейшую траекторию общественного развития системы. Целое столетие, благодаря трудам классиков политэкономии – А. Смита, Д. Рикардо и их последователей, концепция «невидимой руки рынка» была путеводной звездой экономической науки. Экономические институты рынка, стоимости и денег стали исключительной детерминантой научного поиска ученых – экономистов. Маржиналисты, среди которых лидирующее положение занимал английский экономист Альфред Маршалл, опубликовавший в 1890 году свой фундаментальный труд «Принципы экономики», обосновали экономические законы спроса и потребления, как методологическую платформу рыночного равновесия. Неоклассическая школа, сформулировав принципы предельной полезности, предельного дохода и издержек, ввела в практику экономического анализа математический аппарат и моделирование экономических процессов.

В развитие классической политэкономии внес значимый вклад марксизм, сформировавшийся на рубеже XIX-XX веков как устойчивая научная теория общественнознания, сумев не просто творчески переосмыслить научную мысль предшественников, но и обосновать в рамках формационной теории принципиально новые основы эволюции общественно-экономических систем, включая их институты, в контексте историко-диалектической логики развития.

XX век дал общественнознанию особенно много выдающихся имен, закономерно закрепивших за собой право основателей фундаментальных концепций и теорий, связанных с эволюцией общественно-экономических систем. Среди них особое место занимает выдающийся английский экономист Джон Мейнард Кейнс, который опубликовал в разгар Великой депрессии свой труд «Общая теория занятости, процента и денег», в котором обосновал, в последствии доказавшую на практике, исключительную роль институтов государства в регулировании рынка труда и потребительского спроса в условиях

кризиса. Обосновав тезис о том, что протекционистская политика государства, нацеленная на институциональное обеспечение гибкости цен на потребительском рынке, может сформировать условия для равновесия дихотомии «спрос – предложение», Кейнс, по существу, заложил основу современного механизма государственно-частного партнерства, используемого всеми государствами мира. Сегодня дискуссионным остается лишь вопрос о том, «сколько» должно быть государства? А больше или меньше – зависит от приверженности государства к той или иной модели институционального устройства. Например, апологеты англосаксонской модели рыночной экономики, вроде Дарона Асемоглу и Джеймса А. Робинсона, утверждают, что лишь она универсальна и способна обеспечить устойчивый рост национальных экономик [Асемоглу, Робинсон, 2015]. При этом сторонники монетаристской модели неоклассического мейнстрима, естественно, делают акцент на институционализации кредитно-денежной политики государства в отношении бизнеса, как главного фактора устойчивого экономического роста.

Выдающуюся роль в теоретических исследованиях развития мировой экономики сыграли труды Саймона Кузнеца, Гуннара Мюрдаля, и особенно Василия Леонтьева, создавшего базис теории экономического развития на основе модели «затраты – выпуск». Василий Леонтьев, работая в 30-е годы XX века одновременно в национальном бюро экономических исследований США и Гарвардском университете, занялся научным проектом для национальной экономики по созданию модели межотраслевого баланса «затраты-выпуск» на основе системы уравнений межотраслевых связей с реальными данными экономики. Работы были продолжены в послевоенное время, а в 1973 г. В. Леонтьев был удостоен Нобелевской премии по экономике «за развитие метода «затраты – выпуск» и применение его к важнейшим экономическим проблемам». Его учениками в Гарварде были будущие Нобелевские лауреаты – Пол Самуэльсон, Роберт Солоу и многие другие известные ученые. Его вклад в экономическую науку неоценим, а модель СНС сегодня используется во всем мире, в том числе и в России.

Саймону Кузнецу удалось усовершенствовать систему национальных счетов американской экономики, развивая концепцию человеческого капитала, инвестиционной политики и инновационных сдвигов в институциональной сфере как факторов, влияющих на развитие экономики. Кроме того, занимаясь исследованиями длинных рядов экономической динамики, он сумел определить среднесрочные циклы экономики (15-25 лет), связанные с инвестиционной политикой в промышленности и демографической динамикой, дополнив классическую теорию длинных волн Николая Кондратьева. Большим успехом С. Кузнеца в развитие теории длинных волн Н. Кондратьева стало научное обоснование доминирующего фактора, лидирующего на определенном этапе истории сектора экономики, инвестиции в основной капитал которого сообщают импульс всему экономическому развитию. Выделив пару отраслей – лидеров экономики, Кузнец показал, что каждый из них создает предпосылки для развития другого, повторяя этот меняющийся «тандем» дважды на длине полной

кондратьевской волны.

Выдающимся экономистом XX века Йозефом Шумпетером, было доказано, что главной движущей силой, локомотивом экономического развития в логике длинных волн Кондратьева являются научно-технические инновации. Эта позиция совпадает с научными взглядами на долговременные процессы развития экономик мира большинства ученых, исследующих длинные Кондратьевские циклы. Так японский ученый М. Хироока эмпирическими исследованиями доказал наличие корреляции между циклами Кондратьева и диффузией базовых инновационных платформенных нововведений. Не вызывает сомнений в научной среде и тот факт, что новаторские идеи и формирование платформ этих прорывных технологий являются следствием «триггерного эффекта» депрессии (в определении Герхарда Менша). Современные исследователи, анализируя основы макроэкономической теории циклов Туган-Барановского – Кондратьева, связывает ее с теорией экономических укладов, разрабатываемых В.И. Маевским и С.Ю. Глазьевым [Маевский, 1994; Глазьев, 2016]. Совпадает позиция ученых и с известной концепцией британского экономиста Кристофера Фримена о пяти этапах индустриального развития мировых экономик, в контексте логики экономического роста. Классическую триаду дополняющих друг друга моделей экономического роста составляют концепции, авторами которых стали Нобелевские лауреаты: Роберт Солоу (1987г.), Питер Даймонд (2010г.) и Пол Ромер (2002г.).

Однако общественное развитие является предметом исследования не только ученых-экономистов, и поэтому получило научное обоснование в ряде фундаментальных социальных теорий, среди которых наиболее значимыми являются: цивилизационная теория, формационная теория, мир – системный анализ, теории развития. Представители философской и исторической науки – Дж. Голдстайн, Л.Н. Гумилев, Н.С. Розов, И. Кант, Гегель и др. способствовали пониманию социальной самоорганизации и эволюции мировых цивилизаций и их типичных региональных версий в конкретно-исторических условиях социодинамики.

Французские *civiliser* – «цивилизовать» и *civilite* – «цивильность», а также *civil* – «цивильный» получили распространение в европейской общественной мысли уже с конца XVIIв. – начала XVIIIв., и в 1690 г. вошли во «Всеобщий словарь» А. Фуретьера, изданный в Голландии, распространившись в последующие десятилетия в академических словарях европейских стран. В XIX веке появляются научные труды, посвященные эволюции цивилизационных процессов в обществе, например, «История цивилизации в Европе» Ф. Гизо (1828 г.), «История цивилизации в Англии» Г. Бокля (1861 г.) и др. Уже в то время значение слова «цивилизация» стало дистанцироваться от первоначальной семантической смысловой основы и постепенно соотноситься не столько с его культурологическим, поведенческим значением, сколько с понятием большой и целостной общности – народа, или нации – государства, как сформировавшегося многомерного социума, субъекта межличностных и международных коммуникаций. В научной среде и просвещенном обществе становятся широко

известными имена ученых, писавших о цивилизациях прошлого и обсуждавших проблемы современного им мира: Ж.Ж. Руссо, Г. Рюккерт, Н.Я. Данилевский, Н. Чернышевский, Ф. Энгельс и др. Заложенные в трудах российского ученого XIX века Николая Данилевского идеи макросоциологической теории цивилизации, теории культурноисторических типов цивилизаций, нашли концептуальное и фактологическое развитие в трудах выдающихся ученых XX века – Освальда Шпенглера, Арнольда Тойнби, Алфреда Крёбера и др.

Понятие «цивилизация» при всем многообразии определений, которые были сформулированы за два с лишним века изучения этого явления, включает две базовых дефиниции: материальную и духовную культуру народа в их эволюционной динамике, зафиксированной историей человечества. Под цивилизацией ныне принято понимать развитое общество, обладающее всеми базовыми атрибутами, отражающими современные общечеловеческие ценности и механизмы регуляции во всех его сферах. При этом так или иначе все характерные признаки цивилизации «встраиваются» в своеобразные подсистемы социума: социальную, политическую и экономическую, образуя, как принято говорить, «социально-экономические системы», а более правильно было бы: «социально-политико-экономические» или «социально-экономико-политические» системы. Описание различных цивилизаций мира с древнейших времен до наших дней дает целостную картину их эволюции в зависимости от различных факторов: географического положения и природных условий (т.н. натуралистический подход, обосновывающий доминирование «вмещающего ландшафта»); разделения труда и эффективного механизма развития материальной культуры; образования городов (т.н. «городские цивилизации»); развития правоустанавливающих институтов, определяющих демократические свободы и права граждан; этнонациональных особенностей народа и его конфессиональной ориентации в спектре главных мировых религий.

Огромную роль в цивилизационном развитии мирового сообщества играет глобализация, давшая миру множество примеров, как прогрессивного экономического развития, так и чудовищных трагедий, связанных с уничтожением исторических цивилизаций и этносов. Вместе с тем, развитие культуры и общей образованности населения Земли способствуют росту цивилизованного самосознания и самоидентичности наций и народов на новом витке развития мира. Новым трендом этого направления развития общественно-экономических систем стала т.н. «глокализация» – введенное британским социологом Р. Робертсоном понятие, которое «фиксирует наличие устойчивой взаимосвязи между глобализацией в ее либерально-рыночном варианте и усиление в экономическом мире специфического, локального, самобытного и традиционного» [Ли Таньци, 2017, с.10].

Новым явлением в социальной и экономической науке стала родившаяся на рубеже XIX-XX веков институциональная теория. Благодаря трудам американского ученого Торстейна Веблена и его классической работе «Теория праздного класса», она приобрела широкую популярность в научной среде. Вобрав в себя холистические методы марксизма и основываясь на методологии

всего базового спектра общественознания, институционализм позволил обнаружить ущербность неоклассики в описании неравновесных состояний экономики и дать убедительную интерпретацию социодинамики общественно-экономических систем, не только в исторической ретроспективе, но и в логике их дальнейшего развития.

Вторая половина XX века, ознаменовавшаяся невиданными по масштабу и продолжительности успехами большинства стран в области экономического роста и социального развития, закономерно дала новый импульс в развитии наук об экономике и обществе. К заслугам многочисленных школ американского институционализма, получившего в этот период мощный импульс развития, следует отнести формирование методов исследования сложных систем и их элементов, а также широкого понятийного аппарата институционализма. Среди наиболее известных институционалистов, внесших значительный вклад в экономическую теорию:

– Дж. Бьюкенен, автор теории общественного выбора, обосновавший принципы функционирования общественных политических институтов государства;

– А. Алчиян, смоделировавший динамику равновесного состояния на основе процедуры отбора;

– Дж. Коммонс, сформировавший теорию естественного отбора институтов, их «социальной селекции» в ходе эволюции системы;

– Э. Дюркгейм, сыгравший важную роль в развитии социально-правовых и контрактных аспектов общественных отношений;

– У. Митчелл, ставший основателем конъюнктурно-статистического институционализма, нашедшего в дальнейшем применение в эконометрических моделях ряда других видных неoinституционалистов И. Фишера, Я. Тинбергена, Р. Стоуна. Кстати, именно У. Митчелл, исследуя причины цикличности экономических кризисов различных национальных экономик, обратил внимание на несводимость их причин к принципу монокаузальности – они все были отличными друг от друга.

Труды выдающихся современных неoinституционалистов – Рональда Коуза, Дугласа Норта, Кеннета Эрроу, Джозефа Стиглица, Гарольда Демсеца, Оливера Уильямсона, Мансура Олсона и др., аккумулировавшие весь методологический багаж «старого» институционализма в части обоснования институционального каркаса общества и его экономической среды, синтезировали его с неоклассическими моделями экономического развития, получив убедительное научное обоснование взаимосвязи институциональных преобразований с трансформацией мировых экономик.

Впервые в науке постулаты неоклассической экономической теории о господстве рыночных принципов во всех сферах жизни общества были подвержены сомнению Карлом Полянью, который, отстаивая принцип включенности (embeddness) экономики в социальную жизнь, доказывал, что рыночные отношения подчинены социальным институтам. «Институциональное оформление экономического процесса придает ему внутренне единство и

стабильность <...> Единство и стабильность, структура и функция, история и политика на операционном уровне иллюстрируют наше утверждение о том, что человеческое хозяйство – это институционально оформленный процесс» [Поланьи, 2002, с.68].

Институциональная теория внесла свой вклад в теорию экономического роста, объясняя его институциональными условиями – «правилами игры» или ограничениями, которые общество накладывает на себя: законами, традициями, правоприменительной практикой и т.п., а различия между траекториями роста в разных странах и регионах – исключительно доминирующим влиянием институциональной модели общества и силой ее базовых институтов.

Известно, что школа «старого институционализма» Веблена рассматривала эволюцию с позиций исключительно институциональной трансформации на историко-генетическом фоне, оказывающем влияние на формирование индивида, отводя ему вторичную роль. Напротив, по мнению Р. Нуреева и Ю. Латова, в современном неоинституционализме «доминируют теории, подчеркивающие зависимость специфики исторического развития от начальных институциональных условий. Поведенческие паттерны рассматриваются как социальный аналог ДНК, предопределяющий экономические устои общества, характер политических отношений между индивидом и государством, уровень развития правовых, социальных и культурных ценностей и т.д. Социум, сделавший в прошлом некоторый институциональный выбор, детерминистски «обречен» следовать в русле соответствующей «колеи» [Нуреев, Латов, 2016].

Однако история доказывает, что выход из «колеи» и трансформация институциональной инфраструктуры возможны и могут дать колоссальный эффект, о чем наглядно свидетельствуют примеры ряда восточноазиатских государств, которые «смогли перейти с традиционного паттерна развития на постиндустриальные рельсы» [Барбашин, 2016, с. 37].

Во второй половине XX в. значительное влияние приобрел системно-структурный анализ природных и общественных систем с помощью теорий, в основе которых лежат принципы и методы фундаментальных социальных наук: философии, истории, социологии, культурологии, археологии и др. Миросистемный подход, среди «отцов-основателей» которого были всемирно известные ученые: И. Валлерстайн, А. Франк, Ф. Бродель и др., зародился в 60-е-70-е годы XX столетия, и стал своеобразным развитием цивилизационной теории, представляя мир–системы как совокупности эволюционирующих цивилизаций. Важным связующим звеном цивилизационной и мир–системной теорий, по нашему мнению, является принятие а priori концепта о вариативности путей развития цивилизаций в рамках мир–системы. И хотя именно здесь – камень преткновения между двумя научными течениями, поскольку миросистемная теория предполагает всеобщую глобальную модель развития человечества, а цивилизационная теория показывает, что целый ряд цивилизаций своим историческим опытом доказали многовариантность своего развития, ряд современных методологических моделей в принципе адаптивен к дуализму этих классических направлений мировой научной мысли.

Резюмируя аналитический материал, касающийся эволюции научного поиска мировой экономической мысли в сфере социодинамики общественно-экономических систем, следует отметить, что практически вся «дорожная карта» развития экономической науки отражает ее когнитивный характер, а ее базовые концепции и теории не монокаузальны. Это важное обстоятельство, а также конвергентность научных методов исследования мировых экономик и их социума определяют методологическую стратегию и принципы теории конверсии институтов.

§ 2. Синергетика коэволюции и самоорганизация систем (текст приводится в сокращении)

Благодаря энергичному развитию в XIX-XX вв. естествознания, математики, кибернетики и техники, идеи системной взаимосвязи структуры и процессов в живой природе и обществе стали доступны для детального исследования и обобщения. Во многом этому способствовало распространение принципов системного подхода, нашедших отражение в работе известного венгерского ученого Яноша Корнай «Системная парадигма» [Корнай, 2002] и предусматривающих взаимосвязанное изучение полипрофильных коммуникаций экономики и общества. Сложность, однако, как было выяснено учеными еще столетие назад, при исследовании человеческих общностей как систем, оказалась именно в их организованной структуре, оказывающей безусловное влияние на процессы, имеющие место в коммуникативной дихотомии «целое – частное». Приведенная логика анализа – не нова и восходит к философии Платона и Аристотеля, Шеллинга и Гегеля, трудам Смита и Маркса. Уже больше ста лет научные исследования этого феномена в логике системного анализа ведутся с целью обоснования динамики мирового социума в рамках различных теорий развития, в том числе и так называемых организмических теорий, например, биоэволюционной теории видов Чарльза Дарвина.

Среди наиболее известных авторов данного направления – австрийский биолог Людвиг Фон Берталанфи, который еще в 30-е годы XX вв. сформулировал основы концепции трансформации и исследования социальных систем с использованием законов естественных и социальных наук, обозначив ее как общую теорию систем, которая стала методологической основой многих исследований социума. В основе общей теории систем, описанной Л.Ф. Берталанфи в 50-70-е годы XX в., лежала его организмическая теория, основанная на синтезе биологии и оргструктурного метода, суть которого сведена к анализу не только частей (компонентов) целого, но и их взаимодействий в «среде обитания», став по существу новой исследовательской платформой эпистемологии (гносеологии) (греч. *episteme* – знание, *logos* – учение) множества систем, т.е. теорией познания структуры и функционирования систем и их элементов, представляющей собой логико-математическую область исследований, задачей которой является

формулирование и введение общих принципов, применимых к «системам» вообще. Наибольшую значимость данная теория приобрела для открытых систем, как более общего случая (закрытая система рассматривается как частичный случай). Ценность теории оказалась так же в том, что она позволяет на основе метода аналогий, или иначе – «логических гомологий», использовать выводимые закономерности для систем различной природы, с учетом, однако же, их специфических особенностей и признаков. Кроме того, автор указанной теории отмечал, что, поскольку в открытых системах происходит перенос вещества и возможно экзогенное воздействие, несущее дополнительный потенциал (любого порядка), они могут развиваться, переходя к более сложной конфигурации элементов системы и их взаимодействий.

Современные исследователи, опираясь на эту обширную научную базу, вводят в социальную науку новые термины и понятия, объясняющие многие общественные процессы. В частности, из биоэволюционной теории взят вполне адекватный по своей сути термин – «ароморфоз», под которым понимается «появление у организмов в процессе эволюции таких приспособлений, которые в дальнейшем приобретают широкое распространение, в результате чего организмы могут выйти на более высокий уровень организации и расширить использование окружающей среды» По аналогии с этим в научный оборот введено понятие «социального ароморфоза, как универсального (широко распространенного применения) инновации в развитии социальных организмов и систем, которые повышают сложность, приспособленность, интегрированность и взаимное влияние обществ» [Гринин, Коротаев, 2009, с. 8].

Отмеченный синтез методологических подходов исследования сложных систем, опирающихся на принцип изоморфности системных процессов, позволяет исследовать открытые процессы – наиболее сложные явления, отличающиеся нелинейным характером эволюции, в рамках теории открытых систем, обобщающей кроме обществознания так же основы физической теории, кинетики и термодинамики. Исследования показали, что одним из важнейших свойств открытых систем является эквифинальность, представляющая собой способность системы достигать нового уровня развития, вне зависимости от времени и исходного состояния, и определяемого исключительно текущими параметрами системы. Это свойство отличает их от закрытых систем, полностью детерминированных начальными условиями.

Особое место в ряду научных концепций об общественном развитии занимает теория самоорганизации социально-экономических систем, сформулированная Нобелевским лауреатом по химии, русским ученым из Бельгии, Ильей Пригожиным в его фундаментальном труде «Порядок из Хаоса», написанном в соавторстве с Изабеллой Стенгерс в 1979 году [Пригожин, Стенгерс, 1986]. Новая теория в своей основе содержит фундаментальное развитие важного научного открытия, сделанного в 1850 году немецким физиком Р. Клаузиусом, сформулировавшим два закона термодинамики с описанием теплового (энергетического) состояния системы и понятия «энтропии» (англ. entropy – круговорот, обращение) как характеристики внутренней

упорядоченности элементов системы. Причем, ученым было доказано, что чем меньше указанная упорядоченность тем больше энтропия, и наоборот – чем больше порядка, тем меньше энтропия, выступающая, таким образом, как показатель необратимости. Важнейший тезис концепции И. Пригожина заключается в том, что без вмешательства извне порядок образоваться не может, разрушение порядка – процесс необратимый, а необратимость процессов во времени, эволюционное развитие, происходящее в открытых системах, к каковым безусловно относятся и социальные системы – не абберация, т.е. не отклонение от нормы, не ошибка, а фундаментальный принцип существования систем, последовательно переходящих, к тому же, к структурам все возрастающей сложности. «Необратимость есть источник порядка на всех уровнях. Необратимость есть тот механизм, который создает порядок из хаоса <...> Мы вынуждены принять плюралистический мир, в котором обратимые и необратимые процессы сосуществуют» [Пригожин, 1986, с.323], – утверждает И. Пригожин и поясняет этот постулат определенной логикой. Энергетику системы он описывает с помощью функции Гамильтона, представляющей собой полную энергию системы, которую мы можем представить, как совокупность потенциальной энергии, зависящей от координат акторов на множестве системы и кинетической энергии, определяемой импульсами этих акторов. Функция гамильтониана $H(p, q)$ позволяет дать эмпирическое описание энергетической динамики системы. Проведенные Пригожиным аналогии между высвобождаемой энергией в физико–химических процессах, определяемой как энтропия, и диссипирующей энергией открытых систем, позволили ученому постулировать принцип сохранения энергии подобных диссипативных систем, формирование которых снижает энтропию системы в ходе экспорта (реэкспорта) энергии с внешней средой. Заметим, что данная концепция в принципиальном плане совпадает с точкой зрения другого русского ученого, увы незаслуженно забытого на много десятилетий – Сергея Андреевича Подолинского, который еще в 1880 году написал трактат об превращении энергетической субстанции из одного вида в другой в процессе эволюции Вселенной [Подолинский, 1991].

В 1960-е годы в ходе изучения систем и их элементов, как метод междисциплинарного подхода, была сформулирована новая теория – синергетика. Термин «синергетика» (греч. – *synergeia*) означает совместное действие чего-либо, кого-либо. Автором теории стал Нобелевский лауреат Герман Хакен, профессор университета Штутгарта (Германия). Большую популярность новое научное направление приобрело в связи с тем, что оно позволяет описывать нелинейную стохастическую динамику систем и их элементов, в том числе в случае чувствительности к начальным флуктуациям – незначительным отклонениям параметров, приводящих к большим последствиям – т.н. «эффект бабочки» – для детерминированных систем с хаотическим поведением (исследования Эдварда Ларенца).

Раскрывая суть методологического принципа синергетики в исследовании сложноорганизованных систем, исследователи подчеркивают, что синергетика позволяет обнаружить существование не единственного, а множества

собственных векторов развития. Показательны оценки методологического потенциала синергетической концепции познания общественно-экономических систем, даваемые авторитетными российскими учеными. Так, С. Курдюмов и Е. Князева пишут о потенциале метода следующее: «Синергетика раскрывает природу хаоса в его двойственности, амбивалентности <...>. Нелинейное мышление, вводимое синергетикой, – это готовность к появлению нового, к выбору из альтернатив, к неожиданному разрастанию незначительных флуктуаций в макроструктуру, а также понимание возможности ускорения темпов развития, инициирования процессов быстрого, нелинейного роста. Новое возникает в результате флуктуаций как эмерджентное, т.е. непредсказуемое и невыводимое из наличного, и в то же время новое «запрограммировано» в виде спектра возможных путей развития, спектра относительно устойчивых структур-аттракторов эволюции...Нелинейное мышление и есть понимание недостаточности схемы последовательной и постепенной кумулятивности в развитии» [Князева, Курдюмов, 1993, с.42]. Уникальность методологии эволюционно-синергетического направления системного анализа отмечает и М. Дерябина, которая фиксирует, что феномен самоорганизации занимает в ней центральное место. «Именно самоорганизация со всем ее философским мировоззренческим аппаратом позволяет уловить и ранжировать смысл эволюции сложных систем, в том числе социально-экономических <...> В социально-экономических системах появляется возможность для возникновения и укоренения новых структур и институтов, структуры укрепляются и расширяются, накапливая новый потенциал. Система самоидентифицируется в новых качественных параметрах. Одновременно вновь начинает нарастать энтропия, появляются и расширяются признаки хаоса, в результате чего возникает новая потребность в самоорганизации» [Дерябина, 2017, с. 95, 100].

По – существу, процесс самоорганизации осуществляется в процессе кооперативного движения всех или некоторых, наиболее активных агентов системы, когда, как во времени, так и в пространстве, образуются новые активные диссипативные структуры, приближающие систему к состоянию нового равновесия, когда энергия самоорганизации ослабевает, вплоть до полного исчезновения для подготовки к новому циклу эволюции. Очевидно, что такая самоорганизующаяся система должна отвечать требованиям нелинейности, неравновесности, неоднородности и стохастичности. Все эти условия характерны для открытых общественно-экономических систем. Нелинейность обусловлена тем, что отклик системы, формирующийся как кумулятивная рефлексия акторов, в общем случае непропорционален уровню прямого воздействия на нее. Неравновесность таких систем – очевидна и систематически генерируется эндогенными и/или экзогенными воздействиями. Неоднородность, характерная для любой открытой системы, рассеивается в ходе диссипативных процессов, отражающих некий общий (или усредненный) уровень образованности, здоровья, культуры нации, формирующийся как фактор

когерентных связей и общественных коллабораций.

Стохастические, или иными словами, случайные процессы – так же непременный атрибут любой открытой системы, связанной с жизнедеятельностью биологически активных индивидуумов, в том числе высокоразвитых человеческих сообществ. Именно стохастические явления и процессы, вызываемые малыми, часто случайными возмущениями – флуктуациями, представляющими собой незначительные временные отклонения параметров системы от равновесия, могут вызвать резонансные колебания параметров и способствуют новому фазовому переходу системы через точку бифуркации – скачкообразной трансформации, где система особенно чувствительна к воздействиям, к новому качеству и новому формату. «В точке бифуркации неустойчивость усиливается благодаря тому, что всегда присутствующие в системах флуктуации, подавляемые в устойчивом состоянии в результате нелинейных (автокаталитических, например), процессов, выводящих параметры за критические значения, усиливаются и вызывают скачкообразный переход в новое устойчивое состояние с меньшей энтропией, после чего цикл «плавное развитие – скачок», «эволюция - революция», «устойчивость – неустойчивость» повторяется... Энтропия может не только разрушить систему, но и вывести ее на новый уровень самоорганизации, так как за периодом хаотичной неустойчивости следует выбор аттрактора, в результате чего может сформироваться новая диссипативная структура системы, в том числе и более упорядоченная, чем структура, существовавшая до этого периода». При этом, как показывают наблюдения, «иногда вывод о будущем состоянии и поведении системы можно сделать, исходя из «закона маятника» – скачок может способствовать выбору аттрактора, «противоположного» прошлому. После формирования новой диссипативной структуры система снова вступает на путь плавных изменений, и цикл повторяется» [Р. Вернер, 2005, с. 47-49].

Динамические процессы, имеющие место в точке фазового перехода, заставляют по-новому взглянуть на роль хаоса: порядок становится источником роста энтропии, хаос – источником порядка. Получается, что акторы, взаимодействуя, отдают свою энергию новому аттрактору создаваемого ими нового института, упорядочивая его и генерируя в институциональном поле системы энтропию, которая затем становится энергетическим источником нового перехода через точку бифуркации (не обязательно революционную). Таким образом, становится очевидным, что хаос диссипативной системы носит характер не разрушающего, а напротив, созидательного начала, в рамках которого система, испытывая под воздействием эндогенных и экзогенных факторов притяжение к новому аттрактору, «сканирует» все возможные варианты развития и выбирает наиболее оптимальный, который ей диктует конфигурация параметров и связей в процессе самоорганизации. При этом, как

показывает анализ, «очень важно учесть также текущее состояние системы, определить к «бассейнам» каких аттракторов она прилежит. Одна и та же система при различных начальных условиях может проявлять совершенно разные, даже противоположные тенденции развития, стремиться к различным «целям» – аттракторам, и действовать в одном случае по аналогии с другим неэффективно или даже бессмысленно. Поэтому нельзя, например, непосредственно переносить опыт развития западных стран на российскую «среду», слишком различны начальные условия (а возможно, и сами среды)... Вблизи момента обострения сколь угодно малые флуктуации способны рассогласовать темп развития внутри различных структур сложной структуры, в результате чего сложная структура подвергается реальной угрозе распада» [Руднева, 2004, с.6, с.7].

Список литературы:

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.
2. Ананьин О.И. Современная экономическая наука как объект методологической рефлексии / Эволюционная экономика и «мейн-стрим». М.: Наука, 2000. С.67-76.
3. Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Экономические истоки диктатуры и демократии / пер. с англ. С.В. Моисеева. М.: Дом Высшей школы экономики. 2015. 512 с.
4. Барбашин М.Ю. Теория институционального распада: концептуальный потенциал и методологические рамки // Журнал институциональных исследований. 2016. Том 8. №1. С.36-53.
5. Берталанфи Л. Фон. Истерия и статус общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник. М., 1973. С. 20-36.
6. Бертананфи Л. Фон. Общая теория систем – критический обзор. Пер. Н.Юлиной // General Systems. Vol. VII. 1962. pp.1-20.
7. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
8. Вернер Р. Особенности самоорганизации социально-экономических систем // Экономическое возрождение России. 2005. №1. С.44-48; №3. С.45-49.
9. Вудфорд М. Что не так с экономическими моделями? (Ответ Джону Кэю) // Вопросы экономики. 2012. №5. С. 14-21.
10. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т 52. № 2. С.3-29.
11. Гришин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция: генезис и трансформации Мир-системы / Ответственный редактор Р.М. Бондаренко. – М.: ЛИБРОКОМ, 2002. 568 с.
12. Дерябина М.А. Теоретические и методологические основания самореализации // Вестник института экономики РАН. 2017. № 5. С. 95-103.
13. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты

- / Ответственный редактор В.С. Степин, А.А. Гусейнов. М.: Наука. 2005. 428 с.
14. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономика как синергетическая система. М.: ЛЕНАНД. 2010. 272 с.
 15. Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность / Ответственный редактор Н.Н. Зарубина. М.: Наука, 2002.
 16. Замулин О.А., Сонин К.И. Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России // Вопросы экономики. 2019. № 1. С.11-36.
 17. Кравченко И. Доктрина С. Хантингтона: гипотеза или жесткий аларм-прогноз? // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 12. С. 104-111.
 18. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм: препринт WP3/2019/03. Р.И. Капелюшников. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. 84 с.
 19. Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 66-89.
 20. Кирдина С.Г. Модели экономики в теории институциональных матриц // Экономическая наука современной России. 2007. № 2. С. 34-39.
 21. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 38-51.
 22. Корнай Я. Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса // Вопросы экономики. 2012. № 4. С. 4-31.
 23. Кэй Дж. Карта – не территория: О состоянии экономической науки // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 4-13.
 24. Лакотос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум. 1995.
 25. Миевский В.И. Кондратьевские циклы, экономическая эволюция и экономическая генетика. М., 1994.
 26. Мартынов А.В. К вопросу об универсальной теории экономической системной трансформации // Общество и экономика. 2018. № 1. С. 5-30.
 27. Мюрдаль К.Г. Азиатская драма. Исследования бедности народов. М., 1970. 204 с.
 28. Мюрдаль К.Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972.
 29. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // Мир России. 2015. № 2. С. 50-88.
 30. Овсиенко Ю.В., Русаков В.П. Зависимость характера институциональных систем от механизма их формирования // Экономика и математические методы. 2008. Т. 44. № 4. С. 3-17.
 31. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: Ноосфера. 1991.
 32. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические

истоки нашего времени. СПб.: Алтейя, 2002.

33. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
34. Руднева Т.Н. Синергетический подход к анализу и управлению социальными системами. Черноголовка, 2004.
35. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
36. Сторчевой М. Новая модель человека для экономической науки // Вопросы экономики. 2011. № 4. С. 78-98.
37. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика: к новой теории передаточного механизма в макроэкономике. М.: ЗАО, Экономика, 2007. 516 с.
38. Фролов Д.П. Методологический институционализм 2,0: от институтов к институциональным конфигурациям // Вопросы экономики. 2016. № 7. С. 147-160.
39. Фролов Д.П. Эво-дево: парадигмальный вызов для институционально-эволюционного анализа // Экономическая наука современной науки. 2019. № 2. С. 35-52.
40. Ходжсон Дж. Что такое институты? // Вопросы экономики. 2007. № 3. С. 28-48.
41. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: манифест современной институциональной экономической теории / перевод с английского. М.: Дело, 2003. 464 с.
42. Hirooka M. 2006. Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective, Cheltenham, UK; Northampton, UA, USA: Edward Elgar, 2008. DOI 10.1007/s00191-007-0068-2.
43. Mensch G 1979. Stalemate in Technology Innovative Overcome the Depression, New York: Balbinger Publishing Company, 1978.
44. Quigley C. The evolution of civilization an introduction to Analysis Indianapolis. 1961.
45. Freeman C. Technology policy and economic performance. Lessons from Japan. № 4. 1987.

References:

1. Avtonomov V.S. Human model in economics. Saint Petersburg: School of Economics, 1998.
2. Ananyin OI Modern economic science as an object of methodological reflection / Evolutionary economics and the "mainstream". М.: Nauka, 2000. pp. 67-76.
3. Acemoglu D., Robinson J.A. Economic origins of dictatorship and democracy / per. from English. S.V. Moiseeva. Moscow: House of the Higher School of Economics. 2015. 512p.
4. Barbashin M.Yu. The theory of institutional disintegration: conceptual potential

- and methodological framework // Journal of Institutional Research. 2016. Volume 8. No. 1. pp.36-53.
5. Bertalanffy L. Background. Hysteria and the status of general systems theory // Systems research. Yearbook. M., 1973. pp. 20-36.
 6. Bertalanffy L. Background. General Systems Theory - A Critical Review. Per. N. Yulina // General Systems. Vol. VII. 1962. pp. 1-20.
 7. Veblen T. Theory of the leisure class. Moscow: Progress, 1984. 367 p.
 8. Werner R. Features of self-organization of socio-economic systems // Economic revival of Russia. 2005. No. 1. pp.44-48; No. 3. pp.45-49.
 9. Woodford M. What is wrong with economic models? (Answer to John Kay) // Economic Issues. 2012. No. 5. pp. 14-21.
 10. Glazyev S.Yu. World economic structures in global economic development // Economics and Mathematical Methods. 2016. T 52. No. 2. pp. 3-29.
 11. Grishin L.E., Korotaev A.V. Social macroevolution: genesis and transformation of the World-system / Executive editor R.M. Bondarenko. M.: LIBROKOM, 2002. 568 p.
 12. Deryabina M.A. Theoretical and methodological foundations of self-realization // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 5. pp. 95-103.
 13. Dialogue of cultures in a globalizing world: worldview aspects / Executive editor V.S. Stepin, A.A. Huseynov. M.: Science. 2005. 428 p.
 14. Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. Economy as a synergistic system. M.: LENAND. 2010. 272 p.
 15. Yerasov B.S. Civilizations: universals and identity / Executive editor N.N. Zarubin. Moscow: Nauka, 2002.
 16. Zamulin O.A., Sonin K.I. Economic Growth: The 2018 Nobel Prize and Lessons for Russia // Economic Issues. 2019. No. 1. pp.11-36.
 17. Kravchenko I. S. Huntington's Doctrine: Hypothesis or Hard Alarm-Forecast? // World Economy and International Relations. 2006. No. 12. pp. 104-111.
 18. Kapelyushnikov R.I. Contra Paninstitutionalism: Preprint WP3 / 2019/03. R.I. Kapelyushnikov. Moscow: HSE Publishing House, 2019. 84 p.
 19. Kirdina S.G. Methodological individualism and methodological institutionalism // Problems of Economics. 2013. No. 10. pp. 66-89.
 20. Kirdina S.G. Models of economics in the theory of institutional matrices // Economics of modern Russia. 2007. No. 2. pp. 34-39.
 21. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Synergetics: the beginning of nonlinear thinking // Social sciences and modernity. 1993. No. 2. pp. 38-51.
 22. Kornai J. Innovation and dynamism: the relationship of systems and technical progress // Economic Issues. 2012. No. 4. pp. 4-31.
 23. Kay J. Map is not a territory: On the state of economic science // Problems of

- Economics. 2012. No. 5. pp. 4-13.
24. Lakotos I. Falsification and methodology of research programs. M.: Medium. 1995.
 25. Mievsky V.I. Kondratieff Cycles, Economic Evolution and Economic Genetics. M., 1994.
 26. Martynov A.V. On the question of the universal theory of economic systemic transformation // Society and Economics. 2018.No. 1. pp. 5-30.
 27. Myrdal K.G. Asian drama. Studies of the Poverty of Nations. M., 1970. 204 p.
 28. Myrdal K.G. Contemporary problems of the "third world". M., 1972.
 29. Nureyev R.M., Latov Yu.V. Post-Soviet institutional development: in search of a way out of the power-property rut // World of Russia. 2015. No. 2. pp. 50-88.
 30. Ovsienko Yu.V., Rusakov V.P. Dependence of the nature of institutional systems on the mechanism of their formation // Economics and Mathematical Methods. 2008. T. 44. No. 4. pp. 3-17.
 31. Podolinsky S.A. Human labor and its relationship to the distribution of energy. M.: Noosphere. 1991.
 32. Polanyi K. The Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Time. Saint Petersburg: Alteya: 2002.
 33. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos: A new dialogue between man and nature. Moscow: Progress, 1986. 432 p.
 34. Rudneva T.N. A synergistic approach to the analysis and management of social systems. Chernogolovka, 2004.
 35. Sorokin P.A. The main trends of our time. Moscow: Nauka, 1997.
 36. Storchevoy M. A new model of man for economic science // Questions of economy. 2011. No. 4. pp. 78-98.
 37. Sukharev O.S. Institutional theory and economic policy: towards a new theory of the transmission mechanism in macroeconomics. M.: JSC. Economics, 2007. 516 p.
 38. Frolov D.P. Methodological institutionalism 2.0: from institutions to institutional configurations // Problems of Economics. 2016. No. 7. pp. 147-160.
 39. Frolov D.P. Evo-Devo: A Paradigmatic Challenge for Institutional Evolutionary Analysis // Economic Science of Modern Science. 2019. No. 2. pp. 35-52.
 40. Hodgson J. What are institutions? // Economic Issues. 2007. No. 3. pp. 28-48.
 41. Hodgson J. Economic theory and institutions: a manifesto of modern institutional economic theory / translation from English. M.: Delo, 2003. 464 p.
 42. Hirooka M. 2006. Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective, Cheltenham, UK; Northampton, UA, USA: Edward Elgar, 2008. DOI 10.1007 / s00191-007-0068-2.
 43. Mensch G 1979. Stalemate in Technology Innovative Overcome the Depression, New York: Balbinger Publishing Company, 1978.
 44. Quigley C. The evolution of civilization an introduction to Analysis Indianapolis.

1961.

45. Freeman C. Technology policy and economic performance. Lessons from Japan. No. 4. 1987.

Сведения об авторах

Дегтярев Александр Николаевич, вице-Президент Академии наук Республики Башкортостан, директор ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, доктор экономических наук, профессор. 450008, г.Уфа, ул. Кирова, д.15. aleks-degt@yandex.ru, тел. +7 (347) 273-72-37. <https://orcid.org/0000-0001-6237-8795>

Author's personal details

Degtyarev Alexander Nikolaevich, Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Director of GANU “Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Doctor of Economics, Professor. 450008, Bashkortostan, Ufa, ul. Kirova, d.15. aleks-degt@yandex.ru, tel. +7 (347) 273-72-37. <https://orcid.org/0000-0001-6237-8795>

© Дегтярев А.Н.